

Иеродиакон Константин (Юдин),
III курс МДА

«С ВАМИ, О КНИГИ,
МНЕ БЫЛО ЖИТЬ ПРИЯТНО...»

Фото Пархоменко Сергея

С именем Стефана (Яворского), митрополита Рязанского и Муромского, обычно связывают начало западного пленения русской богословской мысли. Основания для этого, безусловно, есть. Но как учил Христос, всякое древо познаётся от своих плодов. Плоды жизни митрополита Стефана — это результаты его борьбы за православие: с раскольниками и протестантизмом. Борьба принципиальная и часто неравная, но митрополит шёл до конца, даже до исповедничества.

С времени митрополита Стефана латинское влияние на православие становится особенно ярким. Именно под его протекторатом наша Alma mater меняет название, становится Московской славяно-латинской академией. Специальный указ об изменении всего строя академических наук: «Завесть порядки латинския», — издаёт Пётр I. Но во всём чувствуется вдохновляющее влияние патриаршего местоблюстителя митрополита Стефана. Во главе школы поставлен его ближайший ученик и соратник архимандрит Феофилакт (Лопатинский). Процесс латинизации развивается столь широко, что временами создаётся впечатле-

ние отказа от традиций богословия и образования Восточной Церкви.

Как будто оправдываются самые худшие предчувствия Иерусалимского патриарха Досифея, который умолял Петра, чтоб на архиерейские кафедры и в Патриархи «не попал ни грек, ни иные какие породы человек, сиречь от Малыя и Белья России, которые вскормилися и учатся в странах и школах латинских и полонских». В особенности это предостережение касалось митрополита Стефана: после курса наук в Киево-Могилянской академии он довершал своё образование в иезуитских коллегиях Львова, Люблина, Вильны и Познани, а обучение в католических шко-

лах предполагало для православных принятие униатства. «Печать» этого события в жизни Симеона Яворского осталась в одной из книг его библиотеки — собственноручная надпись «ex-libris Stanislai Simonis Jaworscy», где первое имя Станислав — униатское. Вернулся молодой учёный в звании «учителя словесных наук и философии, полного богослова», что свидетельствует об окончании полного академического курса. Уже по возвращении в Киев из учёной Европы будущий иерарх отрёкся от притворного униатства и принял монашеский постриг в Киевской Лавре (1690 г.).

Путь в Москву для архимандрита Стефана стал делом

послушания духовному и научному наставнику митрополиту Варлааму (Ясинскому), который просил патриарха Адриана поставить любимого ученика к себе на Киевское викариатство, в Южно-Переяславскую епархию. Но промыслом Божиим молодому учёному иноку суждено было стать наследником Патриарха, хранителем его Престола и правой веры.

Первое, с чем столкнулся Стефан в Москве, было распространяемое раскольниками мнение, что будто близко конец света: царь Пётр — антихрист или его предтеча, Москва — Вавилон и «мать мерзостям земным», жители её — слуги антихриста и сыны погибели. Причиной эсхатологических толкований стали преобразования Петра. Яворский решил обличить и обра-

зумить грубых лжеучителей и для этого составил «Сказание об антихристе», в котором, обличив суеверные мнения раскольников, показал на обширном материале из Священного Писания истинные знамения пришествия антихриста. Главные особенности труда: отменное знание автором Писания и использование творений учителей и отцов Церкви: великих каппадокийцев, Златоуста, Ефрема Сирина, обоих Кириллов (Иерусалимского и Александрийского), Иоанна Дамаскина, Феофилакта Болгарского, изъяснение Апокалипсиса Андрея Кесарийского и Мефодия Патарского, и также западных — Ипполита Римского, Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского. Раскольники применяли несвойственный Церкви метод толко-

вания Писания, приспособлявая откровения тайн Божиих к конкретным историческим событиям и личностям своего времени. Подробно обличая их невежество, автор отмечает сугубую таинственность книги Откровения: «Все учителя, светила церковная, единогласно невежество со смиренномудрием исповедующе, глаголют себе весьма не знати доселе имя антихристово. Не изследими бо суть путие Господни, и не испытаны судьбы Его», между тем как раскольники превратно толкуют слово Божие, и «коликим безумством свинии бисеры Писаний Божественных попирают», поставляя себя выше святых мужей Церкви, «нецыи невегласи, безмозгие мужики, едино у мудрых игралище и посмеяние суще, высокоумствуют, паче же безумствуют... Тамо хотят долетети желвы¹, идеже высокопарные орлы достигнути не возмогоша». Премудрость обличителя явилась как в стройном и просторном изложении опыта церковного толкования Апокалипсиса, так и, особенно, в том, что доказательства против лжеучителей-раскольников он основывает на творениях святых, авторитет которых и они вынуждены признавать. Книга-обличение внятна и кратка, представляется полезной и для современного читателя ввиду многих перегибов современных «ревнителеев», погружённых в поиски печати или и самого антихриста.

Второй и основной задачей владыки Стефана была борьба с протестантизмом и засильем протестантов в России, борьба, которую он вёл до конца своей жизни, с готовностью к полному самопожертвованию.

Так называемое «дело Тверитинова» открылось неожиданно. Тверитинов — фамильное прозвище стрельца Димитрия Евдокимова, сына Дерюшкина.

1. Земноводные.

Через общение с лютеранами и кальвинистами Немецкой слободы он воспринял «вдохновение», составил своё учение, близкое по содержанию к ереси стригольников и раскольникам-старообрядцам, и объявил: «Я сам себе Церковь»... Первым был обличён в неправославии воспитанник Московской славяно-латинской академии Максимов, ученик Тверитинова. Гласное расследование в Москве организовал сам местоблюститель. Но царь Пётр, опасаясь, что этот шумный процесс повредит столь любезным его душе немцам, распорядился перевести розыск из Москвы в Петербург в новоучрежденный тогда Сенат. Там дело закончилось для подсудимых легко и быстро, ибо они принесли лицемерное покаяние. Но митрополит Стефан был твёрд. Приняв еретиков в Москве, он велел разослать их по монастырям для проверки искренности их покаяния. Тогда-то и обнаружилась обоснованность его недоверия к столь легко избавившимся от наказания еретикам. Заключённый в Чудовом монастыре Фома Иванов, одержимый неистовством, бросился с косарём на резной образ святителя Алексия и изрубил его. После этого злодеяния митрополит Стефан созвал Освященный собор для суда над преступниками. Новоявленные иконоборцы были преданы анафеме, а Фома, как нераскаявшийся еретик, был передан мирскому суду, по приговору которого его сожгли в срубе на Красной площади. Гнев Петра, узнавшего об исходе нового розыска, был страшен, но он не посмел сделать более, чем выговор местоблюстителю.

«Камень веры», вышедший из-под пера Рязанского митрополита, стал учёным результатом его борьбы с главным злом протестантствующих еретиков — безоглядным отрицанием Церкви, которое они

пытались привить простому русскому люду. Книга вышла с большими препонами, уже по смерти сочинителя трудами Феофилакта (Лопатинского), архиепископа Тверского и Кашинского, который претерпел за это гонения, вплоть до пыток в Тайной канцелярии, был лишен сана и монашества и заключён в Петропавловскую крепость. В ответ на «Камень» был опубликован лютеранский пасквиль с грубыми личными нападениями — «Молоток на камень веры», написанный, как предполагают, самим Феофаном Прокоповичем. В защиту наследия своего учителя выступил другой близкий ученик местоблюстителя — Арсений (Мацеевич), митрополит Сибирский, пострадавший уже при Екатерине II, он также

был лишен сана и скончался в казематах Ревельской крепости.

В «Камне веры» митрополит Стефан увещевал паству не внимать лживым лжеучителям новой веры и крепко держаться за Предание Церкви православной. Это был редкий в то время и мощный своей убедительностью голос против протестантизма, набравшего силу под покровительством царя.

Неудивительно, что в полемике с протестантами он прибегает к способам аргументации католиков, изошривших свои лучшие богословские силы в борьбе с реформацией. За основу «Сказания об антихристе» митрополит Стефан взял наиболее полный в его время трактат испанского иезуита Фомы Мальвенды, который исследовал мнение о падении Римской империи

как предзнаменовании пришествия антихриста. Для «Камня веры» он много позаимствовал из известного труда кардинала Роберта Беллармина «Рассуждения о противоречиях христианской веры». Однако, взяв «скелет» и риторические приёмы полемики, Яворский даёт своим читателям апологию вероучения православной Церкви, всецело прилагая труд к решению современных проблем русского православия. Это не единственный пример, когда за отсутствием отечественной научной базы нашим богословам приходилось брать старт с чужого основания: так и святитель Филарет Московский, составляя курс наук новых духовных школ, многое заимствовал

исследования святоотеческих и литургических текстов, достижениями истории и философии.

Но борьба с влиянием чуждых идей, противостояние врагам веры приводили к необходимости мыслить в чуждых категориях и выражать свои мысли на схоластический манер, в результате происходила псевдоморфоза православной мысли. Как сказал протоиерей Георгий Флоровский: «Измены православию не произошло — произошла психологическая и культурная латинизация». Впрочем, правота митрополита Стефана и его последователей достаточно доказывается тем, что они добровольно понесли бремя гонений и исповедничества, отбрасывая чело-

дружбы их объединяло стремление к просвещению паствы. Ростовский владыка, хотя и был семью годами старше собрата, но обращался к нему с большим почтением, присылая на отзыв свои многочисленные труды ещё в рукописи.

Главным же в их единодушии было правое исповедание веры как основание богоугодной жизни: оба часто и много говорили о покаянии. Приведём в заключение произведение митрополита Стефана, написанное им накануне кончины, — «Оду собранию книг», которую он передал в устроенную им обитель Благовещения Божией Матери, что в Нежине. Стихи написаны на латыни и даны в одном из переводов,

Гробница кардинала Роберта Беллармина (1542—1621) в Риме.

Роберт Беллармин прославился как богослов, изложивший римское учение самым искусным и систематическим образом. Канонизирован в 1930 году, объявлен доктором Католической Церкви в 1931 году.

из западных трудов. Это была лишь отправная точка запоздалого рывка отечественного богословия — не заимствование содержания, но использование системы терминов и методов научного исследования. И в наши дни духовные школы отправляют в богословские заведения Европы лучших студентов, разумеется, не в поисках веры, но для знакомства с новейшими результатами

веческий страх даже перед неуравновешенным и буйным царём-реформатором.

Любовь к Церкви и чистоте вероучения подвигла митрополита Стефана на «кражу науки», после же — на подвиг самоотверженного служения пастве. Его ближайший друг святитель Димитрий Ростовский нежно признавался в письме: «Мне преосвященство Ваше — одни вместо тысячи». Кроме личной

который мы сочли наиболее отвечающим духу латинского текста, причём «белый» стих не сбивает читателя потугами неуклюжих рифм. Здесь сочетается любовь к книгам и пользе от них с превосходящей её любовью к «жизни будущего века», которую автор смиренно чает от нелицеприятного Судии, потому весьма ощутимо покаянное дыхание души «папушка Рязанского». Вечная ему память.

cum ex Divina Gratia, morbo pul-
sante sentiret se morti Vicinū. y-

Possessoris horū Librorum
Luctuosum Libris Vale.

Itē meis manibz q̄stati saepe Libelli,
Itē meq̄ splendor, Luxq̄ decq̄q̄ meū,
Perire felices, alias jam pascite mentes,
Et nectar vestrim fundite nunc alijs.
Atē mihi quod meq̄ a Vobis avulsq̄ ocellus
non poterit mentē pl̄ saturare meam!
Vos mihi dulcedo, Vos mel, vos nectar eratis,
Vobiscum Libri Vivere dulce fuit.

Фрагмент авторского текста «Оды к собранию книг»

Идите, книжечки, прежде столь часто находившиеся в руках моих! Идите, слава моя, мой свет, моё украшение! Идите счастливо — уже иных умы питайте, и нектар ваш изливайте другим! Горе мне, что нельзя будет более почерпать из вас пищи для своего ума! Вы доставляли мне сладость и удовольствие, с вами, о книги, мне было жить приятно! Вы составляли мое богатство, мою славу, мой рай, моё утешение. Вы меня прославили; вы доставили мне знаменитое имя; чрез вас снискал я любовь великих мужей!.. А теперь увы! Судьба не велит мне более провождать с вами счастливых и приятных дней. Уже глаза мои покрываются вечною тьмою!.. Уже я не буду более держать вас в руках своих.

Другая вечная Книга представляется взорам моим, которую хочет открыть мне имеющий прийти Господь. Всяк обрящет в ней написанными свои дела и помышления и узрит награду по своим заслугам. О Книга, приводящая в ужас,

которая пред Страшным Судилищем изобличит каждого в содеянных грехах! Когда я разсуждаю о ней, то невольной ужас объёмлет все мои члены, и сердце пронзается острою стрелой!..

О Боже, Отче мой! Величайшая бездна любви! Источник милосердия! Пучина благодати! Правитель моря, земли и высочайших небес! Ты, Котораго десница удерживает стремнины ярящихся волн, и Коего премудрость предписывает пути блестящим шарам, катящимся по усеянному звездами небу! Тебя умоляю я, презренный червь, паутина, ничто; воззри на меня и впиши имя моё в Книге Жизни кровию Христа, Который есть моя жизнь и моё спасение.

Вы же, книги и сочинения мои, простите! Приобретённая трудами моими библиотека, прости! Простите, братия и сожители! Простите все! Прости и ты, гостиница моя, любезная мать-земля! Прошу тебя, прими бранный состав мой в материнския свои объятия; ибо душа перелетит на небо, а кости остаются тебе...